

Научная статья
УДК 323.22/.28
doi: 10.20323/2658-428X-2021-4-13-50-60

«Партийный исход» как антитеза кадровой политике КПСС

Дмитрий Григорьевич Сельцер

Доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений и политологии, заместитель ректора ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет» имени Г. Р. Державина, директор Центра исследования политических трансформаций, г. Тамбов.
seltser@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6187-2748>

Аннотация. В статье анализируются два процесса, одновременно шедшие в КПСС летом 1991 г. Во-первых, речь идет о переходе руководящей партийной номенклатуры на хозяйственную, главным образом, и советскую работу. Руководители регионального и локального уровней не видели перспективы в партийной работе. Во-вторых, рассматривается обвальное покидание партии рядовыми коммунистами, шедшее по двум линиям – посредством заявления о выходе и через потерю связи с организацией. Оба процесса автор совокупно детерминирует как «партийный исход». Кадровая политика КПСС все годы существования СССР была основой стабильности и гарантией существования партии-государства. Она, по сути, являлась экзистенциальной по своему значению. Контролируя номенклатуру посредством кадровой политики, КПСС сохраняла себя в статусе государства. На коротком отрезке истории произошло разрушение кадровой политики. Из механизма сдерживания деструктивных и неподконтрольных партии опасностей она стала своим антиподом – механизмом, разрушающим советское государство, антитезой – собственной противоположностью. В основе кадровой политики КПСС традиционно были постоянное воспроизводство партийного государства (институтов власти), номенклатурной системы (механизмов рекрутинга) и административно-политической элиты (самой номенклатуры). Регулирование численности, равновесие партийной иерархии и лестничное карьерное движение – эти базовые, основополагающие принципы кадровой политики КПСС в 1985-1991 гг. претерпели существенную коррекцию. В реалиях 1991 г. они стремительно деградировали и разрушились, что привело летом 1991 г. к «партийному исходу». Основными составляющими «партийного исхода» стали выход из партии обычных коммунистов, в том числе со стажем более

20 лет, переход партийной номенклатуры на руководящую хозяйственную и советскую работу, приход на смену кадровой партийной номенклатуре представителей низшего звена партийного аппарата.

Ключевые слова: номенклатурная система, номенклатура, КПСС, кадры партии, кадровая политика, борьба за власть, политические конфликты, распад СССР

Статья написана в рамках поддержанного РФФИ проекта № 20-011-00105 «Объяснение распада СССР и сохранения КНР через анализ кадровой политики. Что сделано «так» в китайском примере и что случилось «не так» – в советском?»

Для цитирования: Сельцер Д. Г. «Партийный исход» как антитеза кадровой политике КПСС // Социально-политические исследования. 2021. № 4 (13). С. 50-60. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-50-60>

Original article

“Party outcome” as the antithesis of the personnel policy of the CPSU

Dmitry G. Seltzer

Doctor of political sciences, professor of the department of international relations and political science, deputy rector of FSBEI HE “Tambov State University named after G. R. Derzhavin”, director of the Center for the study of political transformations, Tambov. seltser@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6187-2748>

Abstract. The article analyzes two processes that were simultaneously going on in the CPSU in the summer of 1991. First, we are talking about the transition of the leading party nomenclature to economic, mainly Soviet, work. The leaders of the regional and local levels did not see any prospects in party work. Second, the dramatic abandonment of the party by rank-and-file communists is considered, which followed two lines – through a declaration of withdrawal and through the loss of connection with the organization. Both processes are collectively determined by the author as a “party outcome”. The personnel policy of the CPSU throughout the years of the existence of the USSR was the basis of stability and a guarantee of the existence of the party-state. It was, in fact, existential in meaning. By controlling the nomenclature through personnel policy, the CPSU retained itself in the status of a state. In a short period of history, the destruction of personnel policy took place. From a mechanism for containing destructive and uncontrollable dangers of the party, it has become its antipode – a mechanism that destroys the Soviet state, its antithesis - its own opposite. The personnel policy of the CPSU has traditionally been based on the constant reproduction of the party state (institutions of power), the nomenclature system (recruiting mechanisms) and the administrative-political

elite (the nomenklatura itself). The regulation of the number, the balance of the party hierarchy and the ladder career movement – these are the basic, fundamental principles of the personnel policy of the CPSU in 1985-1991. have undergone a significant correction. In the realities of 1991, they rapidly degraded and collapsed, which led in the summer of 1991 to a “party exodus”. The main components of the “party outcome” were the withdrawal from the party of ordinary communists, including those with more than 20 years of experience, the transition of the party nomenklatura to leading economic and Soviet work, the coming to replace the cadre party nomenklatura of representatives of the lower echelons of the party apparatus.

Keywords: nomenclature system, nomenklatura, CPSU, party cadres, personnel policy, struggle for power, political conflicts, disintegration of the USSR

The article was written within the framework of a project supported by the RFBR No. 20-011-00105 “Explanation of the collapse of the USSR and the preservation of the PRC through the analysis of personnel policy. What was done “like that” in the Chinese example and what happened “wrong” in the Soviet one?”

For citation: Seltzer D. G. “Party outcome” as the antithesis of the personnel policy of the CPSU. *Social and political researches*. 2021;4(13):50-60. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2021-4-13-50-60>

Введение: «партийный исход» в контексте кадровых процессов

«Партийный исход» явился завершающим этапом департизации и распада СССР. Собственно, именно за «партийным исходом» и последовал сам распад. В годы перестройки были пройдены четыре коротких, но насыщенных этапа кадровых действий. В их результате было разрушено сложившееся за десятилетия партийное государство и номенклатурная система как его жизнеобеспечивающее основание.

На этапе «конструирования элиты» (1985-1987 гг.) стабильная партийная иерархия перманентными чистками, хаотичными волнами кадровых замен была приведена в небывалое движение, сравнимое

лишь с периодом сталинских репрессий. Иерархия и номенклатура были в высокой степени сотрясены.

1988-1990 гг. – этап выборов в партии. Январский 1987 г. пленум ЦК КПСС и XIX партийная конференция (1988 г.) установили избирать секретарей партийных комитетов всех уровней на альтернативной основе. Прошедшие внутривнутрипартийные выборы привели к десакрализации аппаратного управления и фигуры партийного работника.

На этапе выборов в государстве (1989-1990 гг.) была фактически проведена широкомасштабная реформа государственного управления. Она кардинально меняла властную диспозицию. Советские органы вначале стали вровень с

партийными, а после избрания III съездом народных депутатов СССР 14-15 марта 1990 г. М. С. Горбачева президентом СССР по объему властных ресурсов советские органы стали сильнее партийных. Произошел подрыв традиционных номенклатурных механизмов элитного отбора, что лишало всякого смысла работу в партийных органах. Как итог – начавшийся уход аппаратчиков традиционной партийной карьеры, расширение набора центров силы, обострение борьбы за власть.

Завершающий этап – «партийный исход» – начался подписанием президентом РСФСР Б. Н. Ельциным 20 июля 1991 г. указа «О прекращении деятельности организационных структур, политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР». КП РСФСР была лишена возможности иметь первичные партийные организации и распоряжаться своей собственностью, что мгновенно ликвидировало ее как партию-государство. В итоге рядовые коммунисты и де-юре, и де-факто все более утрачивали связь с партией, а партийная номенклатура стала массово увольняться с работы.

В рамках предлагаемой статьи представим конкретные проявления департизации на этапе «партийного исхода».

Литература

«Партийный исход» в той или иной степени затрагивался в работах, посвященных последним годам СССР [Барсенков, 2002; Волгин, 2004; Волгин, 2006; Волгин, 2014; Волохов, 2003; Согрин, 2001], истории советского государства [Геллер, Некрич, 1994; Пихоя, 2019], советских элит [Мохов, 1998; Мохов, 2000; Мохов, 2003], трансформации номенклатуры КПСС в новую российскую элиту [Коваль, 1995; Коткин, 1998; Крыштановская, 1995; Кудеярова, 1995; Куколев, 1997]. Региональный аспект темы на русском [Регионы России, 1997-2003] и украинском [Регионы Украины, 1999-2002] материале проявлен в ходе реализации проекта Славянского исследовательского центра университета Хоккайдо (Япония) «Изменения славяно-евразийского мира». Писал об этом и автор статьи [Сельцер, 2004; 2006; 2007; 2021]. Авторы во многом сходятся в оценках поведенческой логики М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина, этапах распада СССР, но уделяют недостаточное внимание прорисовкам политической ситуации в партийных организациях и анализу состояния самой номенклатуры. В рамках предлагаемого текста автор пытается отчасти восполнить существующий пробел.

Исследование

Автором проведено изучение центральных и региональных архивов. В Российском государственном архиве социально-политической

истории (РГАСПИ) изучались протоколы заседаний бюро, секретариатов обкомов (рескомов) КПСС и КП РСФСР, областных (республиканских) партийных конференций, в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) – официальные и рабочие материалы политбюро, съездов, конференций, пленумов КПСС и КП РСФСР, в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) – документы Совета Министров РСФСР, Верховного Совета РСФСР, Совета Министров СССР, Верховного Совета СССР, ЦИК по выборам Верховного Совет СССР. Кроме того, автор провел исследование в архивах 7 регионов России – Рязанской, Тамбовской, Самарской и Ульяновской областях, республиках Мордовия, Удмуртия и Чувашия. В большинстве регионов преемственно по отношению к советскому времени сохранились по два архива – государственный и под разными названиями (чаще как государственный архив социально-политической истории) бывший архив обкома (рескома) КПСС. Изучались фонды обкомов (рескомов), горкомов и райкомов КПСС.

Результаты

Анализ архивных материалов позволил зафиксировать в кадровых процессах несколько ключевых тенденций.

Ослабление кадров партийной номенклатуры. Уход политических и, самое главное, прошедших всю номенклатурную подготовку руко-

водителей сочетался с мобилизацией на их место хозяйственной номенклатуры, не имевшей ни опыта политической работы, ни целеполагающей потребности этим заниматься. Первый секретарь Рязанского обкома КПСС Ф.Ф. Романов, выступая 24 марта 1990 г. на пленуме обкома, сетовал, что кадровые потери создали в партии вакуум, заполняемый серыми, слабыми кадрами (*Государственный архив Рязанской области (ГАРО). П-3. Оп. 110. Д. 5. Л. 28*). Руководитель Рязанской области очень точно обозначил вектор развития номенклатуры и всего кадрового процесса. Бывшие партийные работники всех изучаемых регионов в интервью нам единодушно фиксировали чудовищное обрушение качества кадров КПСС на рубеже 1980-1990 гг. Они обвиняли и М. С. Горбачева, и А. Н. Яковлева, и Политбюро в злонамеренном и спланированном подрыве структур партии. Все сходятся во мнении, что горбачевские партийные кадры – объективно худшие в послевоенной истории КПСС.

Прекращение уставной партийной работы. Устав КПСС настаивал на регулярности проведения партийных собраний. Вопреки этому, в июле – августе 1991 г. в большей части парторганизаций они перестали проводиться. Бюро обкомов и рескомов пытались реагировать. Так, в постановлении бюро Тамбовского обкома КП РСФСР 11 июля 1991 г. звучало требование горкомам и райкомам выяснить по поводу каждого такого примера.

Но партийные руководители к тому времени уже стали реалистами и, учитывая новые обстоятельства, не прибегали к грозным окрикам, а, по сути, нацеливали низовые партийные организации на проведение хотя бы встреч или коротких собраний коммунистов. Более того, что вообще немисливо для традиционной партийной жизни, предлагалось не заниматься формализмом – протоколированием таких встреч и собраний (*Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 1045. Оп. 58. Д. 73. Л. 6, 7*). Наконец, наше исследование обнаружило и факт повсеместного не проведения пленумов горкомов и райкомов – собирались только бюро.

Неуплата членских взносов. Другая уставная обязанность – уплата ежемесячных членских взносов. Так вот, уже к лету 1991 г. в Тамбовской областной партийной организации уклонились от этой обязанности 6,5 тыс. коммунистов (7,5 % состоящих на учете). Причем, в некоторых местах, включая Тамбов, Мичуринск, Рассказово и Уварово, эта цифра доходила до 16 %, а в отдельных первичных парторганизациях – до 60 %. Дефицит бюджета областной парторганизации составил 7 млн руб., что было бы немисливо еще несколько месяцев назад. Уместен вывод, что существенная часть рядовых коммунистов фактически утратила связь с партией.

Прекращение приема. Традиционная ситуация в СССР была такова, что существовали жесткие про-

цедуры (квоты, сроки и пр.) приема в КПСС. Это была непростая задача для очень многих, поскольку без членства в КПСС не было возможностей карьерного роста. Легко было вступить в партию, например, заводскому рабочему, а вот инженерно-техническому работнику того же завода – уже непросто, а представителю интеллигенции – крайне сложно. Была практика вступления в КПСС во время прохождения срочной службы в советской армии: там это сделать было значительно легче, и этим многие, что видно из документов, пользовались. Ситуация лета 1991 г. стала существенно иной: в партию стали принимать всех желающих, но таковых уже практически не было. Вступали, в основном, те, кто долгие годы мечтал, но не мог это сделать. В 1988 г. в Тамбовской области были приняты 2 151 человек, в 1989 г. – 1 626, в 1990 г. – 1 087. Тенденция сокращения приема в КПСС была четко обозначена, а в 1991 г. партийный прием почти прекратился: за первое полугодие 1991 г. – 164 человека; из них в июне – 14. Соответственно, происходило старение партии: удельный вес коммунистов-пенсионеров в возрасте более 60 лет на 1 января 1989 г. составил 25,8 %, а на 1 января 1991 г. – 29,9 %.

Сокращение численности. Соответственно, не прирастая новыми членами, партия неминуемо теряла в численности. Тамбовская областная партийная организация сократилась с

99 308 (на 1 января 1989 г.) до 88 067 (на 1 января 1991 г.) человек.

В целом по стране ситуация была вполне сопоставимой. Наши подсчеты движения кадров, проведенные в РГАНИ (*Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 77. Оп. 6. Д. 1. Л. 2, 106; Д. 2. Л. 2; Д. 14. Л. 2; Д. 15. Л. 2, 55; Д. 17. Л. 2, 8*), показали, что КПСС сократилась с 17 727 249 (на 01.01.1986 г.) до 13 942 631 (на 01.07.1991 г.); причем, на 01.01.1991 г. было 15 400 166 человек (минус почти полтора миллиона коммунистов за полгода). Еще более информативна динамика потери партийной численности по РСФСР: на 01.07.1985 г. – 9 979 360, на 01.07.1990 г. – 10 047 114 (при обеспечении, наконец, доступности вступления), на 01.01.1991 г. – 8 679 799, на 01.07.1991 г. – 7 690 685.

Выход из партии. Выход коммунистов из КПСС неуклонно возрастал: в Тамбовской области в 1988 г. – 79 человек, в 1989 г. – 211, в 1990 г. – 5012. Причем, покидать партию стали даже молодые коммунисты: 1,2 % – кандидаты в члены партии со стажем менее одного года, 10,8 % – молодые коммунисты со стажем до 5 лет. В основном же выходили обычные коммунисты: 46,9% – со стажем более 20 лет; 56,4 % – рабочие и крестьяне. Попытки союзного партийного руководства объяснить выход из партии ростом требований к членам КПСС со стороны исторического времени и перестройки выглядят, конечно, нелепо. Нарастающее чув-

ство бессмысленности пребывания в партии, понимание ее скорого финала, нежелание нести материальные обременения – вот ключевые основания ухода.

Исход руководящей номенклатуры. Направлений ухода было два. Во-первых, секретари комитетов КПСС массово возвращались в директорские кресла, откуда как хозяйственные руководители они были привлечены на партийную работу в 1990 г. Во-вторых, первые секретари-председатели Советов, а таких было большинство, переходили на постоянную работу в Совет, оставляя партийную карьеру. В исследованных нами регионах должность покинул каждый десятый (10,8 %) первый секретарь ГК и РК КП РСФСР. «Тамбовский случай» аномален. Здесь до июля 1991 г. в этой стране не происходила смена партийных элит. Оттого произошла поздняя и бурная ротация партийных кадров. 2 августа 1991 г. первый секретарь обкома Е. М. Подольский покинул партийную должность, а 6 августа – и пост председателя областного Совета. Примеру первого секретаря обкома успели последовать 14 первых секретарей ГК и РК (два – в июле и 12 – в августе) из 30.

Любопытна официальная мотивировка ухода первых секретарей. В личных заявлениях, просмотренных нами, видны самые разные обоснования – более широкие возможности председателя Совета по социально-экономическому развитию, стремление приносить пользу обществу на «хозяйственном фронте», семейные обстоятельства, со-

стояние здоровья. При этом уходящим со своих постов секретарям комитетов партии, еще совсем недавно – несомненным боссам, их подчиненные, члены районных и городских комитетов партии, зачастую устраивали обструкцию. Заметим, подобные отношения начальников и подчиненных были прежде немыслимы. Решения секретарей назывались трусостью, подрывом авторитета партии. На бюро сельских райкомов партии при обсуждении вопроса об уходе первых секретарей стали даже звучать предложения роспуска самой партии.

На смену аппаратным боссам – третьи лица власти. Места спешно покидавших позиции первых секретарей стали занимать вторые – третьи лица власти. Из документов видим, что первым секретарем стал, например, бывший заведующий РОНО, уволенный с этой должности за управление автомобилем в нетрезвом состоянии (Токаревский район Тамбовской области, назначение – 20 августа 1991 г.). Или человек мог в течение всего одного 1991 г. пройти всю линейку партийной иерархии от инструктора до первого секретаря райкома (Кораблинский и Рязский районы, Рязанская область). Прежде такое было, конечно, невозможно.

Новые назначенцы пробывали первыми секретарями иногда несколько недель, дней или даже часов. 24 августа 1991 г. бюро Петровского РК КП РСФСР Тамбовской области избрало первого секретаря, после чего все дружно от-

метили событие, но тут пришло известие о роспуске компартии. Бывший первый секретарь «на несколько часов» рассказывал нам об этом спустя время совершенно спокойно и с самоиронией.

Очень показательна судьба этих людей. Мы отследили карьерные треки 7 «последних первых» Самарской области. Там партийная элита радикально изменилась в 1990 г. К руководству горкома и райкома пришли успешные хозяйственники. Их замена 1991 г. – партийные работники второго плана. Серьезных позиций, значительных объемов властных ресурсов они, естественно, накопить не успели. Их судьба после распада СССР – муниципальная служба на вторых ролях. Они были людьми второго плана в СССР, ими и остались в постсоветской России.

Заключение

События лета 1991 г. стали, с одной стороны, финальным аккордом всего кадрового процесса в СССР, а с другой – его антитезой, настолько он порывал с прежней логикой кадровой политики. Все годы существования номенклатурной системы кадровая политика была по-своему логичной, стройной и системной. Она воспроизводила, контролировала, воспитывала, расставляла и наставляла кадры политического управления, усиливая существующую политическую систему. То, что происходило в области управления кадрами в 1991 г., кадровой политикой в устоявшемся смысле назвать невозможно.

Во-первых, кадровая политика предполагает наличие осмысленности, планирования и единообразия. Ничего этого не было. Был набор спорадических действий. Какого-то одного плана тоже не было. Как не было и какого-то одного центра принятия кадровых решений. Одни решения исходили от руководства КПСС, ориентированного на М. С. Горбачева, другие – от руководства КП РСФСР во главе с И. Е. Полозковым, находившимся, по сути, в состоянии конфронтации с генсеком КПСС и президентом СССР, третьи – от Б. Н. Ельцина, 12 июня 1991 г. ставшего президентом РСФСР. Все акторы политического процесса имели свои

представления и возможности осуществлять кадровые действия.

Во-вторых, надо понимать, что применительно к СССР мы обычно говорим о кадровой политике партии-государства. Летом 1991 г., по нашему убеждению, КПСС таковой уже не была. Кто был тогда ключевой фигурой политического процесса? Самой деятельной – определено российской властью во главе с президентом РСФСР, но только не КПСС. Оттого произошли и критическое ослабление кадров, и невыполнение положений устава, и сокращение численности, и исход руководящей номенклатуры, и приход вторых-третьих лиц во власть.

Библиографический список

- Барсенков А. С. Введение в современную российскую историю 1985-1991 гг. : курс лекций. Москва : Аспект Пресс, 2002. 367 с.
- Волгин Е. И. КПСС в контексте советской политической модернизации (конец 80-х – начало 90-х годов) // Вестник Московского университета. 2004. № 3. С. 75-87.
- Волгин Е. И. Политическая трансформация КПСС (1990-1991 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2006. № 6. С. 26-36.
- Волгин Е. И. Проблема департизации в России в начале 1990-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 4. С. 102-123.
- Волохов А. Е. Новейшая история Коммунистической партии: 1990-2002. Москва : «Импэто», 2003. 136 с.
- Геллер М. Я. История России: 1917-1995: утопия у власти / М. Я. Геллер, А. М. Некрич. Москва : «МИК», 1994. 500 с.
- Коваль Т. Б. Кто вы теперь, последние первые – первые или последние? (по материалам опроса бывших первых секретарей райкомов КПСС г. Москвы) // Мир России. 1995. Т. 4. № 3-4. С. 56-107.
- Коткин С. Номенклатура в бывшем СССР и сегодняшней России // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1998. № 2. С. 149-166.
- Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51-65.
- Кудеярова Н. Первые изменения постсоветской элиты // Мир России. 1995. Т. 4. № 3-4. С. 46-55.
- Куколев И. В. Трансформация политических элит в России // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 82-91.

- Мохов В. П. Региональная политическая элита России (1945-1991 гг.). Пермь : Пермское книжное издательство, 2003. 240 с.
- Мохов В. П. Эволюция региональной политической элиты России (1950-1990 гг.). Пермь : ПГТУ, 1998. 256 с.
- Мохов В. П. Элитизм и история. проблемы изучения советских региональных элит. Пермь : ПГТУ, 2000. 204 с.
- Пихоя Р. Г. О периодизации системного кризиса Советского Союза // Российская история. 2019. № 2. С. 3-29.
- Регионы России: хроника и руководители. Т. 1-8. Sapporo : SRC, Hokkaido University, 1997-2003.
- Регионы Украины: хроника и руководители. Т. 1-2. Sapporo : SRC, Hokkaido University, 1999-2002.
- Сельцер Д. Г. Взлёты и падения номенклатуры. Тамбов : ОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2006. 592 с.
- Сельцер Д. Г. Первые секретари ГК и РК КПСС (1991-1992 гг.): продолжение или завершение карьеры? // PRO NUNC. Современные политические процессы. 2004. № 2. С. 135-156.
- Сельцер Д. Г. Субрегиональная номенклатура КПСС после распада СССР (1991-2005) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2007. Т. 3. № 2. С. 49-63.
- Сельцер Д. Г. Эффект домино: указ Б.Н. Ельцина о департизации в цепи распада СССР // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. № 5. С. 58-70.
- Согрин В. В. Политическая история современной России. 1985-2001: от Горбачева до Путина. Москва : Весь мир, 2001. 272 с.

Reference list

- Barsenkov A. S. Vvedenie v sovremennuju rossijskiju istoriju 1985-1991 gg. = Introduction to modern Russian history 1985-1991 : kurs lekcij. Moskva : Aspekt Press, 2002. 367 s.
- Volgin E. I. KPSS v kontekste sovetskoj politicheskoj modernizacii (konec 80-h – nachalo 90-h godov) = CPSU in the context of Soviet political modernization (late 80s - early 90s)// Vestnik Moskovskogo universiteta. 2004. № 3. S. 75-87.
- Volgin E. I. Politicheskaja transformacija KPSS (1990-1991 gg.) = Political transformation of the CPSU (1990-1991)// Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki. 2006. № 6. S. 26-36.
- Volgin E. I. Problema departizacii v Rossii v nachale 1990-h gg. = The problem of departmentalization in Russia in the early 1990s. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8: Istorija. 2014. № 4. S. 102-123.
- Volohov A. E. Novejšhaja istorija Kommunisticheskoj partii: 1990-2002 = The latest history of the Communist Party: 1990-2002. Moskva : «Impjeto», 2003. 136 s.
- Geller M. Ja. Istorija Rossii: 1917-1995: utopija u vlasti = History of Russia: 1917-1995: utopia in power / M. Ja. Geller, A. M. Nekrich. Moskva : «МИК», 1994. 500 s.
- Koval' T. B. Kto vy teper', poslednie pervye – pervye ili poslednie? (po materialam oprosa byvshih pervyh sekretarej rajkomov KPSS g. Moskvy) = Who are you now, the last first - first or last? (based on a survey of the former first secretaries of the district committees of the CPSU in Moscow)// Mir Rossii. 1995. T. 4. № 3-4. S. 56-107.

Kotkin S. Nomenklatura v byvshem SSSR i segodnjashnej Rossii = Nomenclature in the former USSR and today's Russia // *Konstitucionnoe pravo: Vostochnoevropeskoe obozrenie*. 1998. № 2. S. 149-166.

Kryshtanovskaja O. V. Transformacija staroj nomenklatury v novuju rossijskiju jelitu = Transformation of the old nomenclature into a new Russian elite // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 1995. № 1. S. 51-65.

Kudejarova N. Pervye izmenenija postsovetsoj jelity = The first changes of the post-Soviet elite // *Mir Rossii*. 1995. T. 4. № 3-4. S. 46-55.

Kukulev I. V. Transformacija politicheskij jelit v Rossii = Transformation of political elites in Russia // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 1997. № 4. S. 82-91.

Mohov V. P. Regional'naja politicheskaja jelita Rossii (1945-1991 gg.) = The regional political elite of Russia (1945-1991). Perm' : Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003. 240 s.

Mohov V. P. Jevoljucija regional'noj politicheskij jelity Rossii (1950-1990 gg.) = The evolution of the regional political elite of Russia (1950-1990). Perm' : PGU, 1998. 256 s.

Mohov V. P. Jelitizm i istorija. problemy izuchenija sovetskih regional'nyh jelit. Elitism and history. Problems of studying Soviet regional elites. Perm' : PGU, 2000. 204 s.

Pihoja R. G. O periodizacii sistemnogo krizisa Sovetskogo Sojuza = On the periodization of the systemic crisis of the Soviet Union // *Rossijskaja istorija*. 2019. № 2. S. 3-29.

Regiony Rossii: hronika i rukovoditeli = Regions of Russia: chronicle and leaders T. 1-8. Sapporo: SRC, Hokkaido University, 1997-2003.

Regiony Ukrainy: hronika i rukovoditeli = Regions of Ukraine: chronicle and leaders T. 1-2. Sapporo: SRC, Hokkaido University, 1999-2002.

Sel'cer D. G. Vzljoty i padenija nomenklatury = Takeoffs and falls of the nomenclature Tambov: OGUP «Tambovpoligrafizdat», 2006. 592 s.

Sel'cer D. G. Pervye sekretari GK i RK KPSS (1991-1992 gg.): prodolzhenie ili zavershenie kar'ery? = The first secretaries of the Civil Code and the RK CPSU (1991-1992): continuation or completion of a career? // *PRO NUNC. Sovremennye politicheskie processy*. 2004. № 2. S. 135-156.

Sel'cer D. G. Subregional'naja nomenklatura KPSS posle raspada SSSR (1991-2005) = Subregional nomenclature of the CPSU after the collapse of the USSR (1991-2005) // *Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS*. 2007. T. 3. № 2. S. 49-63.

Sel'cer D. G. Jefferkt domino: ukaz B. N. El'cina o departizacii v cepi raspada SSSR = Domino effect: B.N. Yeltsin's decree on departization in the collapse chain of the USSR // *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*. 2021. № 5. S. 58-70.

Sogrin V. V. Politicheskaja istorija sovremennoj Rossii. 1985-2001: ot Gorbacheva do Putina = The political history of modern Russia. 1985-2001: from Gorbachev to Putin. Moskva : Ves' mir, 2001. 272 s.

Статья поступила в редакцию 01.11.2021; одобрена после рецензирования 05.11.2021; принята к публикации 30.11.2021.

The article was submitted on 01.11.2021; approved after reviewing 05.11.2021; accepted for publication on 30.11.2021.